

Нет ничего сильнее любви

Галя и Юра планировали свадьбу. Вот только не сложилось. Семьи влюбленных стали врагами, и жизнь разделила их, разбросав по разным городам. Проходят годы, но Галка все еще не может забыть свою любовь. Она отчаянно хочет заполнить душевную пустоту. Встреча с невестой брата, Катей, одинокой мамой двух малышей, наполняет ее жизнь новым смыслом. И снова все рушится — Катя умирает. Галя оформляет опеку над детьми. Теперь Настя и Тимоша — смысл ее жизни. Галя свыкается с одиночеством и принимает свою судьбу. Но вдруг Настя, маленькое звено в запутанной цепи, закручивает вихрь событий, давно истлевших от времени. И ставит Галку перед выбором, от которого она убежала в прошлом: идти навстречу любви или потерять ее навсегда...

ТАНЯ ВИНК

A romantic couple embracing on a beach at sunset. The woman has long blonde hair and is wearing a red top. The man has dark hair and a beard, wearing a light blue shirt and a red jacket. They are both smiling and looking at each other. The background is a bright, hazy sky over the ocean.

НЕТ НИЧЕГО
СИЛЬНЕЕ ЛЮБВИ

Таня Винк

**НЕТ НИЧЕГО
СИЛЬНЕЕ ЛЮБВИ**

РОМАН

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

ISBN 978-617-12-7387-0 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Алексей Безруков

Электронная версия создана по изданию:

Галя і Юра планували весілля. Ось тільки не склалося. Родини закоханих стали ворогами, і життя розділило їх, розкидавши по різних містах. Минають роки, але Галка досі не може забути своє кохання. Вона відчайдушно хоче заповнити душевну порожнечу. Зустріч з нареченою брата, Катєю, матусею-одиначкою двох малят, наповнює її життя новим сенсом. І знову все руйнується — Катя помирає. Галя оформлює опіку над дітьми. Тепер Настя й Тиміш — сенс її життя. Галя звикає до самотності та приймає свою долю. Але раптом Настя, маленька ланка в заплутаному ланцюзі, закручує вихор подій, давно зотлілих від часу. І ставить Галку перед вибором, від якого та втекла в минулому: іти назустріч коханню чи втратити його назавжди...

Винк Т.

В48 Нет ничего сильнее любви : роман / Таня Винк. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 256 с.

ISBN 978-617-12-7083-1

Галя и Юра планировали свадьбу. Вот только не сложилось. Семьи влюбленных стали врагами, и жизнь разделила их, разбросав по разным городам. Проходят годы, но Галка все еще не может забыть свою любовь. Она отчаянно хочет заполнить душевную пустоту. Встреча с невестой брата, Катей, одинокой мамой двух малышек, наполняет ее жизнь новым смыслом. И снова все рушится — Катя умирает. Галя оформляет опеку над детьми. Теперь Настя и Тимоша — смысл ее жизни. Галя свыкается с одиночеством и принимает свою судьбу. Но вдруг Настя, маленькое звено в запутанной цепи, закручивает вихрь событий, давно истлевших от времени. И ставит Галку перед выбором, от которого та убежала в прошлом: идти навстречу любви или потерять ее навсегда...

УДК 821.161.1(477)

© Винник Т. К., 2019

© DepositPhotos.com / Ivanko1980, обложка, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Глава 1

...Хрум... Хрум... Под ногами хрустит снег. Едва коснувшись разгоряченного лица, снежинки покалывают, тают и стекают к шее. Тоненькими ручейками устремляются под распахнутый ворот куртки, под кофточку. Моя грудь все еще горячая и все еще сладко ноет от страстных поцелуев. Мои губы искусаны, дыхание сбивается, нет сил идти, но нужно.

— Ты не замерзла?

Он останавливается, поворачивается ко мне лицом. Обнимает. Я прижимаюсь щекой к его щеке, и мне так тепло, будто мы вовсе не под снегопадом, а под ярким солнцем. Просовываю руки ему в подмышки. Там жарко. Волна нежности снова захлестывает меня. Неужели снова? Мы были вместе много часов... Пять или шесть, а я хочу вернуться в его комнату на диван и снова ласкать его и слышать жаркий шепот. Я не вижу его лица, но знаю: он чувствует то же, что и я, потому что мы одно целое, одно существо. Некогда порознь бродившие по свету, мы наконец обрели себя, и теперь у нас одно сердце, одна душа. Его жаркие губы касаются моей щеки, пальцы теребят волосы. Его запах сводит меня с ума, я едва держусь на ногах, и сумасбродная мысль не покидает меня: мы — единственные жители на этой планете...

— Не уходи, — шепчет он, — я не доживу до утра... Тебе не нужно уходить...

Комок подкатывает к горлу. Я ведь сама — рыбка, выброшенная на берег... без него. В груди щемит. Не хочу расставаться. Вот бы проснуться рядом с ним рано утром.

Оставляю на столе завтрак. Бегу на работу. Тело помнит тепло его прикосновений. словно наяву ласкает слух его жаркий шепот.

Он — мой мужчина. Мой единственный мужчина. Я люблю его всем существом. С первого взгляда. С тех пор в моей душе не умолкают волшебные колокольчики, и их мелодичный звон разносится по всему телу. Каждой клеточкой своего тела устремляюсь к нему. Каждое прикосновение, объятие, слияние желанно. И еще я думаю о том, что все это непонятно, непостижимо, незнакомо, невозможно, не... Черт! Целая куча «не»!

Я понимаю, что пора зачеркнуть все эти «не» и заглянуть в глаза счастью.

— Давай вернемся... — произносит он на выдохе.

Его горячее дыхание обжигает мне лицо. Мои глаза широко распахнуты.

— Да... вернемся... — шепчу, не сводя с него обожающего взгляда.

— Лисенок! Ты такая!.. Ты прелесть! — Он сгребает меня в охапку, отрывая от земли. — Я люблю тебя, лисенок! Мне так хорошо с тобой!

— Юра... — выдыхаю я, — я люблю тебя!

Его глаза напротив моих — две темные точки, обрамленные синей радужкой, — пронизывают насквозь. Мы замираем. Мы не сразу бежим обратно по цепочке наших же следов — несколько мгновений наши ошалевшие от счастья души вглядываются друг в друга, а потом он берет меня за руки... Теплая волна, исходящая от кончиков его пальцев, заставляет меня вздрогнуть.

— Неужели это ты? — спрашивает он.

В его волосах и на влажных ресницах сверкают снежинки, и больше всего на свете я хочу прожить с этим мужчиной остаток жизни. Не такой уж маленький — мне всего двадцать восемь.

— Неужели это ты? — спрашиваю я.

Я обнимаю его, и мне кажется, что и куртка, и душа нараспашку. Распахнута настежь, будто на груди «молнию» расстегнули: того и гляди сольется с его душой. Сольется навеки...

— Любимая...

О его голос! Низкого тембра, с хрипотцой. Как только мы оставались вдвоем, его сразу выдавал голос: мы одни знали, что сейчас будет. Неотвратимость происходящего завораживала. И счастье, переполнявшее сердце, давало ощущение настоящего полета: я могла поклясться, что в те мгновения я летала! Мы оба летали! Мы парили над землей, уносились туда, где не было времени, не было ничего земного. Не было города, людей, обязательств перед теми, к кому мы возвращались, с болью и немymi криками разорвав объятия и наше сердце. Мы уходили, каждый к себе, оставляя половинки сердца медленно истекать кровью, и думали об одном: скоро встреча... скоро встреча...

— Лисенок...

Откровенно люблюсь его телом, силясь не упустить ни одной детали... Я вся дрожу. Не от холода, нет. Это душа моя содрогается от нежности, а тело — от томительного ожидания. По моей спине стекает струйка холодного пота.

— Галочка, если бы ты знала, как я люблю тебя...

Внутри меня что-то взрывается, руки взлетают над его плечами. Его глаза блестят в свете фонарей, на губах застыла тревожная улыбка.

— Юрочка, я люблю тебя, — выдыхаю я и опускаю руки ему на плечи.

— Тогда не уходи...

— Не уйду...

— Никогда?

Я хватаю ртом воздух.

— Никогда...

— Черт! — выругалась Галина Сергеевна, нащупала на тумбочке будильник-колобок и с удовольствием дала «колобка» по голове. Вернее, по его звенящей металлической широкополой шляпе, о которой в сказке ни слова. — Такой сон прервал!

Скривилась, почесала макушку, перевела взгляд на окно и мысленно, уже в который раз, «поблагодарила» подругу детства за подарок, преподнесенный в июне, к тридцатой годовщине окончания школы. Школу они терпеть не могли, но вспоминать любили. В смысле — потрепаться, посплетничать об одноклассниках, учителях, косточки всем перемыть.

— Правда, он звенит точно как в детстве? — на лице Ленки умильное выражение, а Галку накрывают воспоминания, приятные и не очень. И она так хочет услышать его довольно противный и настойчивый звон здесь же, в кафе, что аж руки зачесались — ведь того «колобка» она выбросила много лет назад, когда арестовали Вадима и все полетело к чертям собачьим. Она хватается «колобка» и принимается заводить. Ленкино лицо вытягивается.

— Не-на-до, — ее тон мягкий, как у психиатра, разговаривающего с буйнопомешанным, — потом, — она придвигает к себе враз

опустевший бокал, — хватит того, что мы тут шампанское под столом разливаем.

Чистая правда — разливали под столом, но мальчика-официанта с лихим чубчиком-завитком цвета недоспелого лимона предупредили. И не только предупредили — загодя попросили салфетку побольше: с шампанским всякое бывает. Конечно, их могли турнуть за нарушение общественного порядка, а кафе это они любят... За шоколадные конфеты, которые можно сделать здесь же, на месте, а потом съесть. За салфетку пообещали похвалить в книге отзывов.

— Хвалить будешь ты, это по твоей части. Напишешь, что мальчик душка, — кряхтит Ленка, зажимая бутылку между колен, наклоняется вперед, обводит зал вороватым взглядом исподлобья и прислушивается. В тот момент, когда музыка, льющаяся откуда-то сверху, становится громче, Ленкины брови взлетают под аккуратно филированную челку и она тянет пробку на себя. Шпок! Довольная, она улыбается до ушей, хватая Галкин бокал. Лимонный чубчик, маячивший поблизости, облегченно вздыхает и с деланой улыбкой мчится в другой конец зала. Впрочем, конец этот они не видят — колонн по всему залу уж очень много.

Пили за встречу, за здоровье, за дружбу. Закусывали фондю. Вытащили вторую бутылку. Снова музыка, снова «шпок». По сторонам не смотрели — уже пофиг.

— Давай за любовь! — предложила Ленка, театрально вздохнув.

— Давай! — Галя подняла бокал. — За нее, окаянную... — Чокнулись, посмотрели в окно, вздохнули — и залпом, до дна.

Ленка зацепила длинной вилочкой кусочек банана и погрузила в шоколад.

— Слушай, а ну их! Давай это... — вилочка зависла над чашей, — давай заведем его! Это ж наш день. Пусть все знают!

— Давай, — Галка кивнула, да так резко, что край бокала едва не отпечатался у нее на высоком лбу с милыми поперечными морщинками.

«Это мудрость проявляется, — успокаивала Галку мама, — украшение зрелой женщины. Кто ты без них? — Мама пристально щурится в зеркало на свой довольно ухоженный лоб и кончиками

пальцев подтягивает вверх наружные уголки глаз. — Сцыкуха! А я вот собралась круговую подтяжку делать, Вадюша обеими руками “за”».

Хитро ухмыляясь, Ленка вынула будильник из коробки и завела. Через пару минут кафе огласил нестерпимый звон. Извиняясь, прыснули, столкнулись лбами, дали «колобку» по голове, сунули в коробку и, переглядываясь и давясь хохотом, заказали по бокалу вина.

— Ты таки окончательно поднял мертвого из могилы, — проворчала Галина Сергеевна, косясь на «колобка», и свесила ноги с дивана, — ну подруга, ну удружила...

Сто раз собиралась выбросить этот будильник — пусть смартфон выполняет его функции. Правда, дважды смартфон сильно подвел, так и не зазвонив. В сервисном центре казус объяснили коротко: «Ну бывает...»

Галка встала на цыпочки, потянулась, покрутила головой до хруста в шее и сунула ноги в тапки. Потянула со спинки стула любимый шелковый халат, подарок рукодельницы Ленки, развела плечи до хруста в правом плечевом суставе — печальное следствие работы за компом, как и щелчки в шейных позвонках, гордо вскинула голову и походкой от бедра прошествовала в кухню. Хрустнуло, но уже в бедре. Остановилась. Прислушалась. Еще шаг. Хм, ничего нового — стреляет и болит там, где положено в соответствии с давним приговором врачей. В коридоре заглянула в зеркало, скорчила рожицу — м-да... Как это говорят? Весь день не куришь, не пьешь, всю ночь спишь, а утром...

Бездумно уставившись на шипящую кофеварку, Галка выпила два стакана воды — ежедневная дань разумной жизни и здоровья ради... Ради встречи, которая когда-то будет. Обязательно будет, потому что шарик круглый. В общем, надо хорошо выглядеть. Кофеварка фыркнула и выключилась. Галя наполнила чашку коричневой жидкостью, к которой пристрастия не имела. Глотнула без излишней мечтательности, не зажмуриваясь от аромата. Предоставив кофейному напитку, как в рекламе, наполнять квартиру и окрестности волшебным запахом, Галя пошла к двери, на которой кнопками было пришпилено изображение. С распечатанного на цветном принтере листа улыбался симпатичный фантом из фильма «Охотники за привидениями», а ниже

шрифтом, годным для рекламы ужастика, красовалась подпись: «Чужим не входить! Ни под каким предлогом!» Галка усмехнулась и заглянула в комнату. Зевнула, прикрыла рот ладонью — чистенько, аккуратненько, цвета штор, подушечек и коврика здорово подобраны. Молодец, Настюша. Хорошо, что сейчас девочка сама завтракает. Правда, она была самостоятельной с первого дня, но Гале с этого же первого дня очень хотелось, чтобы Настя чувствовала ее заботу. Забота начиналась в шесть тридцать. То и дело натыкаясь на углы и плохо соображая, где она и что нужно делать, Галка на автопилоте неслась в кухню и готовила, как сказала однажды Настя, суперзавтраки. Сначала в садик отводила, потом в школу снаряжала, а вот в институт собираться не помогает. Настя сама попросила: мол, ты устаешь, ложишься поздно, еще заболеешь от недосыпания. Девчушка прочла коротенькую лекцию о вреде недосыпания — Галя слушала внимательно, а как не слушать студентку медицинского института? Тьфу! Медуниверситета. И какой идиот это придумал? Университет — это где много разных специальностей, от физиков до лириков, а не одни врачи от стоматологов до проктологов.

Галина Сергеевна снова зевнула, потянулась, свела лопатки, почесала затылок и направилась в кухню. Да, запах кофе витал в воздухе, но ничего особенного в нем она так и не уловила, сколько ни водила носом. А заплатила за зерна будь здоров! Получается, она такая же жертва рекламы, как и все, а думает, что особенная... Угумс! Посмотрела в окно на невинно-голубое небо без единой тучки и включила ноутбук, с вечера оставленный на столе. Писем, кроме рассылки с сайтов, на которую сама подписалась, не было. На вчерашнее Ленкино письмо ответила. Их переписка — так, ни о чем, болтовня двух одиноких женщин. Одиноких в личном плане. Да, Ленкина мама живет с ней, а не в пригороде, но у тети Зои с памятью уже лет двадцать плохо. Если б не Ленка, та давно была бы овощем, но дочь не дает ей расслабляться — достала какое-то японское пособие для таких вот больных и гоняет бедную старушку в прямом и переносном смысле этого слова. Заставляет делать утреннюю гимнастику, много гулять, много читать, заучивать наизусть стихи и разгадывать кроссворды. Тетя Зоя было заупрямилась: «Я уже старая, дай мне спокойно помереть!», да не на ту напала. Ленкины труды

увенчались заслуженным успехом: тетя Зоя даже поклонника себе завела и на свидания бегает. При этом Лена на всякий случай распечатала имя поклонника и основные вехи биографии, а также домашний адрес на маленьком листочке и сунула эту бумажку мамочке в сумку. И сестра у нее есть очень хорошая, Наташка, директор школы, живет в Луганске, раз в месяц обязательно приезжает. У Галки тоже есть брат, правда, он сейчас в Польше на заработках — что поделаешь, жизнь такая. Ленка воспитывает Пашку, старшего племянника, Галка — Настю, если про весь этот сложный процесс можно сказать «воспитывает». По ее разумению, воспитание получается двустороннее, и неизвестно, чье влияние сильнее. Ленка иногда в шоке от разговоров с Пашкой, в хорошем смысле этого слова — с Пашкой она все время в тренде. Настя Галю тоже все время держит в тренде, только вот Галку от этого слова поначалу выворачивало в прямом смысле, уж очень оно созвучно слову «трындеть». Но, как оказалось, ничего общего с ним не имеет. Ладно, не нужно ворчать, а нужно просто жить в ногу со временем, так, как эти юные создания, с легкостью и непонятно откуда взявшейся мудростью и талантом выхватывать из сумбура жизни главное. Они с Ленкой тоже изо всех сил стараются выхватывать это самое главное и, в отличие от некоторых ровесников, не утверждают, что жизнь пролетела мимо. Вот еще дурацкое выражение! Как жизнь может пролететь мимо? Она с тобой, она в тебе, а не где-то. Она, как домашний котенок, все время требует внимания, заботы, нежности. Не дашь всего этого — «котенок» заболит, поблекнет, покроется проплешинами и язвами. В общем, не обижайся, если однажды утром обнаружишь, что жизнь твоя совсем не такая, как ты хотел. Да что вы понимаете, разглагольствуют эти некоторые, мы тут ни при чем, во всем виноваты политические катаклизмы и Луна не в той фазе. Ленке и Галке все это осточертело, и они потихоньку отделились от ворчунов и остались в одиночестве. То есть вдвоем.

Говорят, друзья копируют поведение друг друга, но они не копировали, а просто жили. В школе сидели за одной партой, вместе уроки делали. После школы Ленка направилась в пединститут, на физико-математический факультет, у нее по физике и математике одни пятерки, а вот у Галки от этих наук в животе сразу холодно

становилось, и она потопала в сторону, противоположную и в научном, и географическом смысле — через площадь от педагогического, в университет, на филологический факультет. На занятия ездили вместе, домой возвращались тоже вместе.

Настоящая любовь накрыла подруг в одно время, но поздновато, под тридцать, до этого у обеих были влюбленности с нехорошим осадком — и Ленке, и Галке парни наставили рога. Филолог Галка тут же возразила математику Ленке, что в соответствии с греческим эпосом такое определение в отношении женщины не годится. На что Ленка выдала: «Знаешь, от чего моя голова тяжелая и трещит? От ветвистых рогов!» И Галка запрятала свою начитанность подальше. Настоящая любовь тоже оказалась конечной, и вот... Имеем, что имеем. У Ленки детей уже не будет: ей матку удалили. «Как и у меня, — рассуждала Галя, — ведь климакс уже не за горами: украинская женщина приговорена статистикой к проклятому климаксу в сорок девять лет».

— Та-ак, надо сон записать, а то забуду.

Последнее время сны снятся уж очень странные. Не по содержанию, а, как бы это сказать, с титрами. Нет, это даже не титры, потому что они не плывут внизу «картинки», они где-то... В общем, где они — непонятно, но Галка их читает и вот именно их запоминает. Благо, память у нее фотографическая.

Кисти рук на несколько мгновений замерли над клавиатурой, и...

«Хрум... Хрум... Под ногами хрустит снег. Едва коснувшись разгоряченного лица, снежинки покалывают, тают и стекают к шее...»

Закончив, она захлопнула ноутбук и, потирая пальцами уши, направилась к зеркалу.

— А-а-а, — показала зеркалу язык, скорчила рожицу: рожица смешливая, а вот глазки грустные.

— К черту грусть! — улыбнулась она и заговорщически подмигнула своему отражению. Впереди ждал новый день.

Ленка предлагала проветриться — она сейчас не работает, потому как реализации нет и их швейный цех приостановили на неделю. Но проветриться не получится, у Галки работы, как всегда, по горло, и будет просто замечательно, если главред раньше начала ноября не нарисует. Собственно, она проверяет почту из-за него — всплывающую строку о приходе писем отключила, чтобы не

отвлекала. Хотя он может нарисоваться и раньше, он это умеет. Если письмом — то ничего срочного, так, мелкие вопросы, а если звонит, то все ясно...

— Галина, будьте добры, пришлите рукопись пятнадцатого числа.

— Да это ж на полтора месяца раньше срока!

— Я жду пятнадцатого, — в голосе металла побольше, чем в звоне «колобка».

Галка хочет тут же дать ему по голове, как «колобку», но она этого не делает. Во-первых, нехорошо бить главного редактора, примерного мужа и отца двух очаровательных девочек, по наиболее уязвимому месту, а во-вторых, он не виноват, у него к Галке ничего личного, только бизнес, сроки, ответственность, и, как у всех, не самое понимающее начальство. Вернее, владельцы издательства. А что нужно Галке? Ей это все по барабану, ей нравится писать. Нравится работать до одури. Нравится заново, по-другому проживать жизнь, нравится по-другому описывать события. Кто знает, может, это и есть то самое программирование своей судьбы? Тут главное не навредить, хотя это тоже категория философская — вред или польза видны не сразу, а много позже, с большого, так сказать, временного расстояния. Нравится падать ночью в холодную постель и тут же отключаться. Но... Но ей не нравятся сны, приходящие ну уж очень часто после того, как на тумбочке поселился обновленный «колобок». Или нравятся? Все зависит от сна. Она хочет их видеть, и... не хочет. Они сводят ее с ума в прямом смысле, зато как сводят... Вот если бы была таблетка, гарантирующая полное отсутствие сновидений, думает Галка в минуты меланхолии. Проглотила, водичкой запила, глаза закрыла, и все: ты в черной дыре, в которой, если верить Ленке, ничего, кроме понятной физикам черной материи, нет. Но это несбыточная мечта, такая же несбыточная, как главная мечта Галкиной жизни. Нет, неправда, это уже не мечта, а печальное воспоминание о ней. Печальное воспоминание о встрече, которой, возможно, никогда не будет, а Галка, глупышка, бережно хранит его и боится — прошло много лет, очень много. Они живут в одном городе, но за без малого двадцать лет ни разу не встретились, не столкнулись. Кто-то сказал: он расширил бизнес и уехал то ли в другой город, то ли за границу, но приезжает. Может, оно и так — табличка с названием его фирмы висит

на том же месте, и сайт работает, и его фото на сайте... Допустим, они встретились, и что? А ничего! Привет! Привет... Как дела? Отлично... Ну пока... Пока... Вот и все. Да, так и будет. И не скажет она то, что уже много раз говорила ему во сне, шептала устами героинь. Не услышит его слова из своих грез. Все будет много прозаичнее. Нет, все будет ужасно, потому что, уходя, он снова уведет с собой ее душу. Ненадолго, на день-два или неделю, но уведет. Душа вернется, несчастная, бескрылая, и Галка еще много дней будет недоумевать, что же произошло, почему ноги не слушаются и почему все так? Почему?!

Такое бывает в минуты меланхолии. Когда же меланхолия отступает, Галка только и мечтает уснуть... и видеть сны. Ее накрывает розовато-сопливое настроение, и там, где у ангелов растут крылышки, начинает чесаться. Чешется, конечно, не только там, и Галка с двойным, а то и тройным рвением тягает блины в тренажерном зале, бежит к косметологу за инъекциями молодости — почему бы и нет? И как только сходят следы от уколов, массирует уже провисающий подбородок, взбивает яйца с медом и всякими маслами и втирает, втирает в лицо... И так до... В общем, до приступа меланхолии. Лицо, нужно отдать ему должное, молодеет, но... глаза те же, грустные...

А что у нас сегодня? Сегодня что-то среднее, и Галка еще не знает, куда отклонится стрелка барометра настроения. Прекрасная погода, совсем не осенняя — октябрь вообще удивил, два дня назад еще короткий рукав носили, а вчера подул свежий ветерок с запахом далекого дождя и напомнил, что пришла осень, и пришла давно. Осень — это хорошо для кожи лица. Тьфу, надо же, как приелись те давние статьи! Листва на клене за окном — красоты необыкновенной. Вот что: надо сбегать в спортклуб и решить вопрос с будильником. Обязательно. Она метнулась в спальню, схватила «колобка» — сам виноват, окончательно разбудил давно и крепко уснувшую любовь. Уснувшую в надежде на пробуждение, как спящая красавица во хрустальном гробу. Эх, лучше б этой любви вообще не было! Хотя... если подумать... откуда без нее черпать сюжеты для романов? То-то! Галя вынула из ящика пакет и завернула в него будильник.

— Извини, но с меня хватит! — Она вышла в коридор. — Не обижайся, но я оставлю тебя возле мусорника, кто-то обязательно подберет, и заживешь припеваючи... тьфу, позванивая в другом доме...

Она положила пакет на столик возле входной двери, вернулась в кухню, взяла чашку с кофе, над которым клубился едва заметный пар, мечтательно зажмурилась, как в рекламе, и отхлебнула.

Хм... Горячее дерьмо. Ох, не такой кофе они пили, разбуженные звоном, тогда желанным и многообещающим — они заводили «колобка» первого поколения, в другом исполнении, более кондового, на полтора часа раньше, чтобы насладиться друг другом. Пили быстро, обжигаясь, боясь потерять даже доли секунды, потому что знали цену мгновениям... Обжигающее дыхание... объятия... его влажная горячая кожа. Обжигающие ладони. Струйки пота между лопаток. Стоны. Его запах...

Она открыла глаза. Это Юра приучил ее к кофе, но не к такому. Она скривилась и поставила чашку на блюдце. Надо запить водой, а то во рту будто... Ой, не привередничай, кофе тут ни при чем, тебя просто опять накрывает меланхолия. Галка распахнула дверь холодильника и наугад взяла один из тетрапаков с соком.

— Нет, это уже слишком!

Из всех соков ей попался томатный! «Томатный сок» — шептал Юра, проводя языком по ее подмышке.

Она выпила сок, сполоснула стакан, а внутри уже закипала злоба на себя, на Юру, на весь мир... Но тут же из воздуха соткались буквы и, покачиваясь на уровне глаз, сложились в два предложения: «Угомонись. А то день насмарку!» Да, все правильно — раскопки в глубинах памяти предвещают не что иное, как проклятущую меланхолию. И сожалеть слишком поздно.

И Галка угомонилась, но в голове уже роились мысли...

И зачем память так с ней играет? Словно настырный диггер спускается в заброшенную шахту ее прошлого. Да здравствует приступ меланхолии! Ведь в другие дни перед глазами то и дело маячит транспарант «Поздно бывает только на кладбище!» с ухмыляющимся черепом после восклицательного знака.

Почему бы памяти не внять голосу разума? Зачем тревожить уставшее сердце? Причем и наяву, и во сне, когда Галка еще не сообщает, что к чему и где она.

Так получилось, что в самом начале игр памяти — сны тогда редко ее посещали — спала очень мало, часов пять, особенно в конце квартала, а тут годовой отчет. Она тогда бухгалтером работала — филологи в пору расцвета бизнеса на руинах самой счастливой страны в мире никому не были нужны. Так вот, тело спало, а разум продолжал создавать не бухгалтерские проводки и налоговые накладные, а ее жизнь. Создавать по-новому, по-другому, будто огромным ластиком вытирая все плохое. Галка была в шоке от всего этого, но память словно жила своей жизнью: как только Галя падала в объятия Морфея, услужливая не там, где надо, память вытаскивала из своих недр забытое, добавляла незабытое, крутила все это, вертела и преподносила счастливице в виде снов. Почему счастливице, спросите вы? Цветные сны. В них всегда были хеппи-энд и ощущения исключительно приятные. Они, должно быть, хранили Галкину душу. По крайней мере, в этих снах она ликовала...

Интересные получались сюжеты, занимательные. Бывало, уже за чашечкой не всегда мерзкого кофе, разложив все по полочкам, Галка с грустью осознавала, что таким вот образом сердце мстит ее голове за то, что та не дает ему покоя. Именно мстит, а интуиция сюда даже не заглядывала, потому как заглядывать некуда, да и незачем, все давно ушло, уплыло. Это ей тоже интуиция подсказала: мол, не напрягайся...

А вообще ее интуиция с детства ведет себя довольно разумно — на пустое не сильно расплывается. В детстве нашептывала, какой урок выучить, а на какой забыть. Однажды «посоветовала» в трамвае у окна не садиться, и в это окно камнем запустили. А про самый жуткий случай, когда она, уже студентка, хотела перейти дорогу на зеленый сигнал светофора, уже ступила на зебру — и вдруг все ее тело будто панцирь сковал... ой, лучше и не вспоминать. Если бы «панциря» не было, она б уже взирала на землю с облаков, или откуда там взирают? А дело было в «рафике», он выскочил из-за угла и пронесся мимо Галки на такой скорости, что волна горячего воздуха едва не сбила ее с ног. М-да... Разное бывало, и на это разное у Галки существует одно объяснение — ее прадед по материнской линии, расстрелянный большевиками в тридцать восьмом году, был самым что ни на есть настоящим мольфаром из Космача, а в этом карпатском селе до сих пор мольфары живут.

Первое время сны нравились, и, вечером забравшись в постель, она «программировала» себя на то, что хотела бы увидеть еще и еще: знакомство с Юркой — уж очень необычное оно было... Первое свидание, уже в Харькове, — зашли в кафе, просидели до полуночи. На следующий день утром он позвонил, спросил, что она делает вечером. В ту же секунду забыла, что договаривалась с подругой пройтись по магазинам. Они встретились и поехали в парк. Поужинали. А дальше... «Объятие... Нежное, как ветер, настойчивое, неожиданное, шокирующее, как весенняя гроза...» В итоге Галка «допрограммировалась» — сколько раз она просыпалась, разбитая вдребезги этими снами! Сколько раз желание видеть их и не видеть рывало ее сердце! И таки разорвало надвое — одна половинка упрямо приказывала снам не приходить. И что же они делали? Ухмылялись и не менее упрямо топали к другой половинке, ждущей их с нетерпением.

Хорошо, что в психушку не попала, а еще лучше, что не наступило раздвоение личности, а сработал присущий ей рационализм — из всего извлекать пользу. В общем, глубокой зимней ночью она проснулась, бросилась к столу и записала сон. Вернулась в постель и отключилась, едва голова коснулась подушки. Что она утром помнила? Что в эту ночь ей было очень хорошо, что душа млела от счастья и что она все записала. Она покосилась на стол, и по телу пробежала волна обжигающего предвкушения — сейчас она встанет и прочтет... Волна докатилась до сердца, кончиков пальцев, рта. Подушечки пальцев закололо, сердце неистово забилося, губы приоткрылись, с них готов был сорваться сладкий стон, но сорвался крик ужаса. Волна отхлынула — и Галка вскочила с дивана как ошпаренная. С полминуты она стояла неподвижно, уставившись на стол, а перед глазами плясали сначала водяные пузыри и черные «мушки», а потом всплыло жирное шестизначное число из двадцать третьего счета, а в его хвосте гуськом два слова: «дебет» и «кредит». И еще всплыла картина маслом: она склонилась над столом и в толстой амбарной книге пишет между строк, на полях, в общем, там, где есть место, а книга эта не что иное, как годовой бухгалтерский отчет, с которым она сегодня должна отправиться поездом в Киев в министерство. В горле пересохло, как в пустыне Гоби или Сахаре, Галка глотнула и вспомнила, как выводила

размашистым почерком слова с одной-единственной мыслью — записать, пока память удерживает идиллические картинки и пока душа парит, захлебываясь от счастья. На негнущихся ногах она подошла к столу и обомлела — так и есть, два экземпляра отчета лежат аккуратной стопочкой сбоку, а один по центру. Она открыла его и аж присела — ни на первой, там, где печати и подписи главбуха и ректора, ни на двух следующих страницах не было живого места. Но ситуация поправимая — отчет не на камне вырезан, за час можно распечатать испорченные страницы, подписать, заново переплести и успеть на скоростной поезд, отходящий с вокзала в четверть второго. Или, если не успеет, поменять билет на вечерний.

Она вырвала испорченные листки, спрятала их в письменный стол и поехала на работу. А там тихий, раздраженно-вкрадчивый вопрос главбуха «вы сошли с ума?» в ответ на ее признание: мол, захотелось почитать, уж очень интересный отчет, и нечаянно разлила соус — что-то перевернул в душе Галки. Она молча взяла со стола чистый лист и под прицелом двух злобных глазищ, жирно подведенных черным, твердой рукой написала заявление об уходе по собственному желанию.

Со словами «вы правы, я сошла с ума» она положила заявление главбуху на стол.

— Деньги за билеты я верну, — бросила она и покинула кабинет.

Постояла в коридоре, с удивлением ощутила прилив сил и неумно-идиотской радости и позвонила Ленке. Подружка поддержала и вопрос типа «как дальше жить собираешься?» не задала, а предложила вечером обмыть это важное событие. Событие обмыли, напившись до неприличия. В министерство поехала «сидящая» на основных средствах, а Галю уволили за несоответствие занимаемой должности, но еще две недели она отрабатывала.

Заначки не было, помощи ждать неоткуда, и Галка занялась поиском работы. Понимая, что на зарплату препода филологии не проживешь, разве что репетиторством заняться, но это не ее, она точно знает — ну не любит учительствовать, не любит бубнить одно и то же, для очистки совести прошерстила вакансии по специальности и убедилась, что диплом университета можно засунуть в одно место. Зарплаты не хватило бы даже на пропитание, а ей еще долг отдавать. Бухгалтерский стаж на тот момент был невелик, всего полтора года — эту нехитрую,

близкую к логике и далекую от математики и физики специальность она освоила сразу после ареста отчима, чей долг упал на ее плечи. Галя почесала затылок, побродила по комнате и взяла телефон. Первый, кому она позвонила, был Жорик, однокурсник, работавший почти по специальности: имел свой издательский бизнес. Он печатал упаковки, коробки, этикетки, папки, поэтические сборники, прозу, монографии, районные газеты и вестники всяких вузов, а также автобиографии выдающихся горожан в шикарных переплетах, иногда в коже и даже тисненные золотом. Позвонила исключительно с целью предложить себя бухгалтером, а он с радостью сказал, что возьмет ее к себе, но бухгалтер у него есть, а вот редактор нужен. Причем удаленный. Галка чуть со стула не упала — это ж какая экономия на обуви, одежде и транспортных расходах! Жорик огласил размер зарплаты. Теперь настало самое время грохнуться со стула — препод столько и во сне не видит, а на работу каждый день к восьми тридцати, будь добр... ножками... Галкина интуиция подсказывала, точнее, она прямо в ухо орала, что это как раз то, что нужно. Ну как тут не прислушаться?

Это было время полного блаженства. Начиналось все с того, что ранним утром, когда дворники еще не шуршали метлами или не скрипели лопатами для уборки снега, она просыпалась, завтракала, и... и если видела сон, то записывала его, а если не видела, то записывала все, что приходило в голову. В девять она заглядывала в почту — Жорик мог прислать срочную работу. До пяти она честно работала на Жорика — редактор из нее пока был никакой, многое забылось, и работала она медленно. В пять она быстренько перекусывала, и снова за компьютер, и так до полуночи. Все чаще она забывала поужинать, а есть в полночь — это ж прямой путь к шестидесятому размеру, поэтому ложилась голодная. Похудела, в глазах появился лихорадочный блеск. Кажется, я превращаюсь в «трудоголичку», подумала она и поделилась этой невеселой мыслью с Ленкой.

— Может, походить на курсы самопознания? — неуверенно сказала «трудоголичка».

— Еще не хватало финансировать разных шарлатанов! — взвилась Ленка. — Ты мне скажи — тебе сейчас как? Нормально?

— Да, очень даже, — кивнула Галка.

— Тогда заведи будильник, чтобы время ужина обозначить, и посмотришь, как оно будет. А курсы — это для идиотов. А о чем ты пишешь?

Галка рассказала.

— Отлично, продолжай в том же духе, — подружка помолчала и добавила, — на языке астрологов это называется программированием Вселенной на свое счастье. Или несчастье. Черт их знает, что они мелют...

Галя не отходила от компа часами, до жгучей боли в плечах, не могла дня прожить без того, чтобы не писать. Ей казалось, что впереди, вон там, в размытом будущем, ее что-то ждет и уже ручкой машет — привет! привет!.. А оказалось, вот что ждало в обозримом будущем — очень скоро она волшебным образом успокоилась и перестала расстраиваться из-за прошлого. И еще она перестала расстраиваться из-за того, что от довольно высокой зарплаты ей ничего не перепадает. А также из-за того, что родной брат с нею почти не общается — звонит редко, а приезжает еще реже, хотя они живут в двух остановках метро друг от друга. Лена говорит: мол, сама пойдь к нему в гости. Ходила. Посидели, вина выпили. Особой радости от общения не получила. Наверное, потому, что она почти на десять лет старше. Если считать по школе, то другое поколение. Хорошо, что он маме деньги посылает, а то вообще впору удавиться.

Да, от зарплаты ничего не оставалось — в галопирующей инфляции она таяла как снег в лучах яркого солнца. А чтобы отдать долг, Галка должна была покупать триста долларов в месяц, а доллар, ясное дело, все время рос. Это при том, что кредитор, коллега Вадима, отсрочил долг на полтора года. Может, он еще отсрочил бы, но язык не поворачивался просить его об этом. После такого тяжелого морального удара по семье, когда многие от них отвернулись, ей не хотелось терять последних надежных людей.

То, что оставалось, пожирала коммуналка, и в итоге Гале оставались «вши». Вот эти «вши» она проедала и еще умудрялась купить обновку и недорогой крем для лица — не превращаться же в тридцать с небольшим хвостиком в старуху-оборванку! Мама с тетей Зиной привозили из села продукты — тогда огород тети Зины еще был

настоящим украинским огородом, с кукурузкой, подсолнухом, картошечкой, огурчиками и тыквой, а не европейской лужайкой.

Время, когда продукты не только в холодильнике, а и в шкафах закончились, не заставило себя ждать, и на сильно голодный желудок Галка обнаружила, что ей нравится написанное — редактор она или нет?! Она удовлетворенно хмыкнула — неужели она раскопала-таки в себе писательский талант, о котором говорила еще учительница литературы? Прищурившись на экран компьютера, она дала себе слово довести текст до ума. Пока доводила, мама с тетей Зиной умчались в льготный санаторий по неожиданно подвернувшемуся путевкам от сельского головы, так что о дарах сада-огорода можно было тихо мечтать.

Ленка не только одолжила необходимую сумму, но и приволокла торбу с продуктами.

— Сдается мне, ты действительно сошла с ума, — сказала подружка таким тоном, что Галка бросилась ее обнимать.

— Да, сошла! — Она чмокнула Ленку в пухлую щеку, радуясь родственной душе.

Мама тоже родственная душа, но Галка ни ее, ни тетку не поставила в известность о писательских завихрениях в голове. Пусть они спокойно живут, пусть мама набирается сил, ей надо Вадима дожждаться.

— И что будем делать? — Ленка сдвинула густые нещипаные брови, придававшие ее лицу детскую наивность.

— Сначала раздевайся, — Галя помогла ей стащить дождевик с плеч, метнулась в ванну, стряхнула и повесила на веревку. Быстренько вернулась в коридор — Ленка еще пыхтела, как паровоз, наклонилась и вытащила тапки из гардеробной, потому как подружке наклоняться сложно, уж очень она полненькая, да и давление скачет. Пока Ленка приводила себя в порядок, Галя перетащила торбу в кухню.

— Ты там ничего не трогай, а то прольешь. — Подружка вошла в кухню, быстро закатала рукава вязаной кофты, такая же кофта есть у Гали, подарок тети Зои — вязание тоже входило в японский курс, — и распахнула дверь холодильника. Пару секунд она разглядывала пластиковую тарелку с жалкими остатками соевого соуса, покрутила

носом, захлопнула дверь и нежным материнским голосом поинтересовалась, когда та ела последний раз.

— Вчера, — Галка прикусила ноготь указательного пальца и скосила глаза, — вечером... Нет, — подняла глаза к потолку, — ночью тоже ела... доела мюсли.

Ленка тяжело вздохнула и опустилась на табуретку:

— Галинка, ну, что ты делаешь? Зачем вот так с собой, а? Ты же отлично знаешь, чем это может закончиться.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ